

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 35

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1914

28 АВГУСТА.

Рис. Ре-ми.

Нѣмцы сожгли въ Лувенѣ драгоцѣнную бібліотеку, имѣвшую болѣе 70000 томовъ рѣдкихъ книгъ, разрушили старинное зданіе музея и уничтожили древности, находящіяся тамъ.
(Изъ газетъ.)

НОВЫЙ СУЛТАНЪ ОМАРЪ.

Прусскій лейтенантъ: — Если въ этихъ книгахъ написано то же, что въ прусскомъ уставѣ гарнизонной службы, — онѣ излишни; если въ нихъ не написано того, что въ прусскомъ уставѣ о гарнизонной службѣ, — онѣ вредны. Въ томъ и другомъ случаѣ — сжечь ихъ!

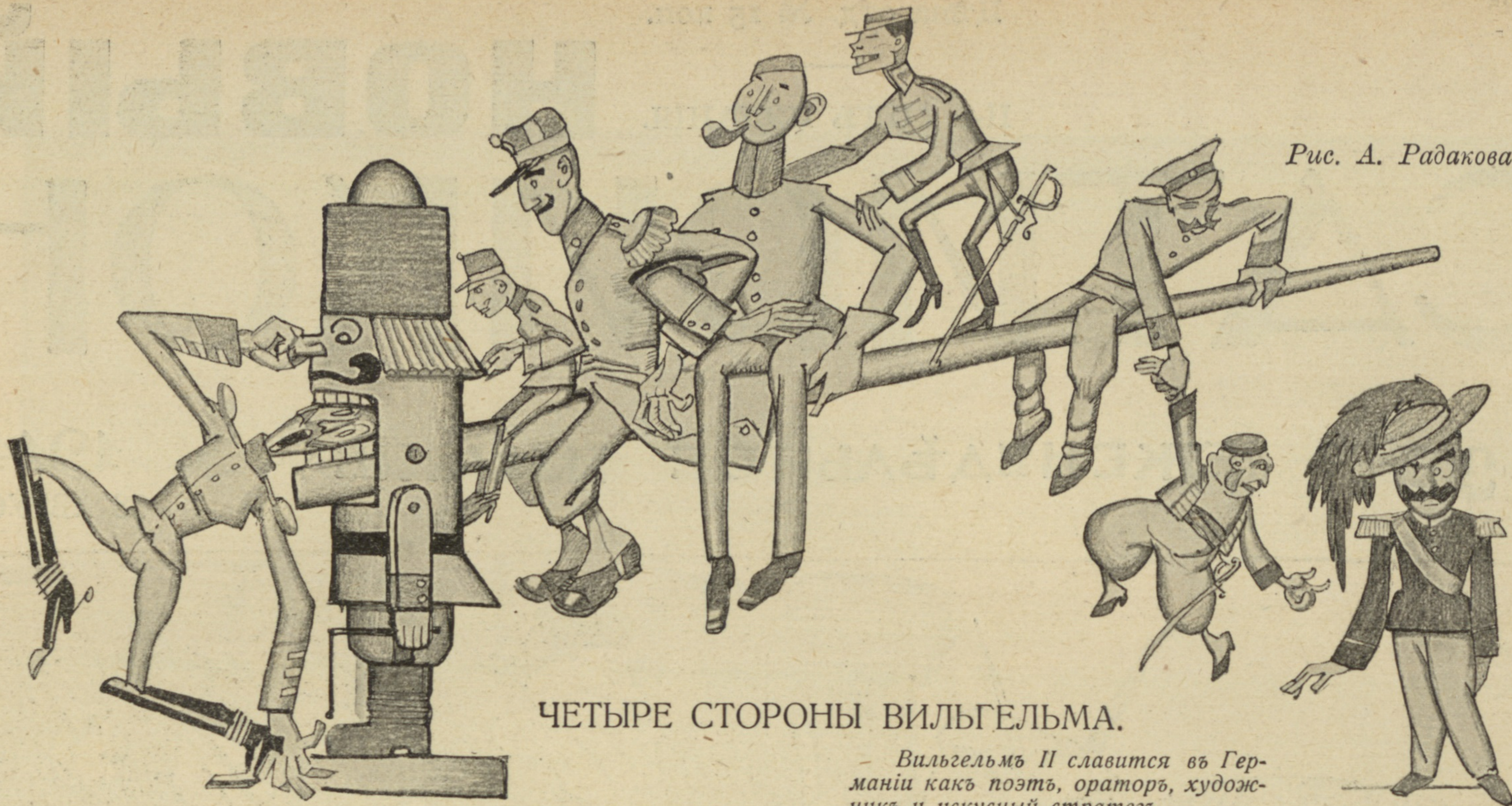

Рис. А. Радакова.

ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ ВИЛЬГЕЛЬМА.

— Вильгельм II славится въ Германіи какъ поэтъ, ораторъ, художникъ и искусный стратегъ...

I. ПОЭТЪ.

— Господа! Ради Бога, не просите меня прочесть стихи, которые я написалъ сегодня.

— Почему, ваше величество?

— Да такъ, знаете... написалъ я ихъ экспромптомъ, и вообще... Нѣтъ, нѣтъ — не просите!

— Ахъ, какъ жаль, ваше величество, что вы запрещаете намъ просить васъ прочесть эти — мы не сомнѣваемся! — чудные стихи!.. Мы въ отчаяніи.

— Ну, вотъ и уговорили! Экіе вы, господа, право... Ну, нечего дѣлать... слушайте! Кхм! Кхмх!..

Наша Германія — страна

Очень замѣчательная:

Всякій скажетъ: вотъ тебѣ и на!

Всюду чистое бѣлье постельное.

Всюду нѣмцы любятъ своего императора,

И, вообще, даже дороги хорошія,

Хорошо лѣчатъ наши доктора,

А кто скажетъ: нѣтъ — тому дамъ по рожѣ я.

Да здравствуетъ же наша Германія грозная

И наша союзница Австро-Венгрія,

Пусть не будетъ наша казна порожняя,

И избавлю всѣхъ нѣмцевъ отъ менгры я.

— Ну, какъ находите?

— Это... это жъ гениально! Тутъ и Гейне, и Гёте, и Гегель. Три «ге»! Умно, философично, тонко, всеобъемлюще. Можно переписать на память, ваше величество?

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, вы находите хорошо?

— Ваше величество! Это не хорошо, а упоительно! Пирамидально!

— А вамъ не показалось страннымъ слово «менгра»?

— Нѣтъ, почему же? Очень красивое слово. Звучное. Навѣрное, сами сочинили, ваше величество?

— Самъ. «Менгра» — это по моей мысли все нехорошее, злое. И вотъ я избавлю нѣмцевъ отъ менгры. И потомъ — какъ рѣшумется словечко со словомъ «венгры»? А?!

— Замѣчательно! Прямо незамѣтно... Дастъ же Богъ...

II. ОРАТОРЪ.

— Господа офицеры! Здѣсь, въ этомъ тѣсномъ кружкѣ, хотя я и не ораторъ, а императоръ...

— Вы не ораторъ, ваше величество? И вамъ не стыдно это говорить?! Эхъ, если бы я былъ издатель... Выпустилъ бы сборникъ вашихъ рѣчей съ иллюстраціями Густава Доре.

— Доре умеръ.

— Тѣмъ для него хуже! Говорите, ваше величество! Мы изнываемъ отъ нетерпѣнія...

— Господа офицеры! Который вотъ, этого... флотъ и которая тоже армія, — конечно, это нельзя смѣшивать! Смѣшаешь это — и все пропало. Скажемъ, пустить армію на воду, а флотъ повести по сушѣ — и что же будетъ! Армія потонетъ въ водѣ, а флотъ, какъ дуракъ, на сушѣ будетъ вертѣть въ воздухѣ винтами, — вѣрно я говорю?

— Вѣрно! Замѣчательно!

— Пирамидально!

— Такъ-съ. Ну, и вотъ, скажу я, значить — и флотъ,

и армія смѣшаны въ сердцѣ моемъ и они не тонуть тамъ и не крутятъ винтами, а просто моему сердцу дорого то и другое, который флотъ и которая армія! Желая же, чтобы мое сердце и моя армія и мой флотъ бились въ унисонъ, чего и вамъ желаю, господа штабъ- и оберъ-офицеры. Ноч!

— Ваше величество! Извините, что я утираю слезы при васъ, но не могу! Какая мощь, какое огненное слово!..

— Нѣтъ, вамъ въ самомъ дѣлѣ понравилось, господа?

— Понра... вилось?! Ваше величество! Да это лучше Цицерона, лучше Эдиссона даже!

— А мнѣ понравилось это замѣчательно мѣткое наблюдение насчетъ того, что армія на водѣ потонетъ, а флотъ на сушѣ будетъ вертѣть винтами, какъ идіотъ.

— Какъ дуракъ, я сказалъ.

— Совершенно вѣрно! Какъ дуракъ, ваше величество. Эхъ, мнѣ бы такъ говорить! Я бы сказа-а-аль!

III. ХУДОЖНИКЪ.

— Рисуете, ваше величество?

— Ахъ, ахъ, вы меня застали за работой. Я такъ сконфуженъ... Маленькая шалость... Не смотрите, ради Бога, не смотрите... Ну, какъ вы находите — красиво?

— Глазъ нельзя отвести, ваше величество! Въ особенности, хорошъ этотъ автомобиль...

— Гдѣ?! Это котенокъ!

— Котенокъ! Форменный котенокъ! Я какъ только взглянулъ, думаю — кто это котенка живого къ полотну приклеилъ? Полная иллюзія. И какая глубокая мысль: луна вылѣзаетъ изъ котеночнаго живота...

— Это не луна... Это апельсинъ!

— Ну, да, апельсинъ. Это, конечно, апельсинъ. Но весь жанръ, я хочу сказать, освѣщенъ луннымъ свѣ...

— Тутъ каминъ сбоку.

— Да, да... Вы знаете, горяція дрова такъ написаны, что я думаю: закурю-ка я объ нихъ сигару... Хе-хе! Ввели старика въ заблужденіе, ваше величество!

— Серьезно, похоже на огонь?

— Дымкомъ пахнетъ даже, ваше величество!..

IV. СТРАТЕГЪ.

— Сдѣлаемъ сначала такъ: черезъ Бельгію обрушимся на Францію — въ недѣлю сокрушимъ ее, а потомъ на Россію. Сокрушимъ Россію, тогда...

— Виновать, ваше величество! Планъ гениальный, но если Бельгія не пропуститъ сразу нашихъ войскъ во Францію...

— Бельгія не пропуститъ?! Дитя вы! Мы ей пообѣщаемъ подарить кусокъ Голландіи.

— Чудесная идея, ваше величество! Величаво и просто! Меня беспокоитъ немного Англія...

— Эхъ вы! Да вѣдь Англіи-то выгодно, чтобы Францію разбили! Мы ей пообѣщаемъ кусокъ французской земли на континентъ — они и будутъ молчать.

— О, ваше величество! Это изумительно! Если бы не мое уваженіе и благоговѣніе къ вамъ, я воскликнулъ бы: Вильгельмъ, ты — суцій дьяволъ!

— Хе-хе!.. Ужъ вы тоже скажете... Нѣтъ, серьезно, мысль хорошая?

— Ослѣпительная! Но откровенно говоря — мнѣ подозрительна одна страна — Японія!

— Эхъ вы, филия! Японія? Да я ей только мигну, какъ она на Россію съ другой стороны насядетъ!

— Господи! До чего это просто... А я и не догадался. Однако, въ разсужденіи Италіи...

— Наша будетъ! Пообщаемъ Италіи кусокъ Турціи, Турціи посулимъ часть Болгаріи, Болгаріи — кусокъ Греціи, Греціи кусокъ Румыніи, а Румыніи — русскую Бессарабію.

— Господи Іисусе! Никогда мнѣ не приходилось слышать болѣе гениальной вещи!.. Сами придумали, ваше величество?!

— Самъ!

— Оно и видно.

— Нѣтъ, серьезно, видно, что я самъ придумалъ?

— Конечно. Кто же, кромѣ васъ, можетъ этакое придумать...

— То-то и оно!

— Дастъ же Богъ! Умудритъ! Я ужъ пойду, ваше величество...

— Куда жъ вы?

— А хочу въ Аллеѣ Побѣдъ мѣстечко вамъ присмотрѣть. Для памятника.

— Ну, стоитъ ли!.. Право, не безпокойтесь, не надо! Къ чему это?.. Уходите? Ну, обождите — и я съ вами!

Аркадій Аверченко.

Государь Императоръ 18 августа Высочайше повелѣтъ соизволилъ именовывать впредь городъ С.-Петербургъ — ПЕТРОГРАДОМЪ.

Редакція и издательство „Новаго Сатирикона“ обращается къ своимъ корреспондентамъ съ просьбой направлять всю корреспонденцію по адресу:

Петроградъ.

Невскій, 98. „Новый Сатириконъ“.

МАРОДЕРЪ.

Голубѣютъ сумерки, слышитъ
Въ нихъ земля таинственную былъ...
Вѣтеръ сонный ласково колышитъ
Зябко никнуцій, испуганный ковыль...
Разбѣжится и, забывшись въ бѣгъ,
Набѣжитъ на жуткій слѣдъ гробницъ —
На куски изломанной телѣги
И на маски жуткихъ, мертвыхъ лицъ...
А едва лишь стануть дали хмуры
И затихнетъ у окоповъ стукъ,
Въ поле выползутъ осклизлыя фигуры,
Шаря землю щупальцами рукъ...
— «Трупъ»... Вокругъ слезающаяся кочки...
— «Есть!..» Кинжалъ врѣзается въ сукно,
Рветъ на шеѣ тонкую цѣпочку
И бросаетъ алое пятно...
— «Портсигаръ... Какая-то иконка...»
«Золотой... хо-орошій медальонъ...»
Въ медальонѣ... волосы ребенка...
— «Хе-хе-хе... какой смѣшной москаль —
Лучше бъ золото потолще... даже жаль,
Что оно такъ призрачно и тонко...»
— «Ну работа... нѣтъ совсѣмъ покоя!!»
«Вотъ какъ будто дрогнула нога...»
Мародеръ трусливою рукою
Въ тррупъ вонзаетъ лезвее клинка...
И дрожа, иконку съ медальономъ
Сунувъ въ сальный виснуцій карманъ,
Уползаетъ въ голубой туманъ,
Уступая очередь воронамъ...

Сергѣй Михѣевъ.

ВО ДНИ ВОЙНЫ.

I.

Братъ твой ушелъ на войну,
Кинувъ дѣтей и жену;
Вороговъ Руси губя,
Онъ защищаетъ — тебя.
Нѣту угла у жены,
Дѣти его — голодны;
Долгъ твой священный предъ нимъ —
Выйти съ поддержкою къ нимъ.

II.

Братъ твой, ближній, въ зломъ бою
Паль за Русь святую;
Обласкай его семью,
Какъ свою родную;
Онъ за родину твою
Смерть пріялъ въ чужомъ краю!
Подъ березкой, при пути
Холмъ могильный вырыть...
Обогрѣй и приюти
Безприютныхъ сиротъ:
Ихъ отецъ въ чужомъ краю
Паль за родину твою!

III.

Пострадавшимъ братьямъ вѣря,
Возмущайся, презирай
И ругай тевтона-звѣря,
Но ему — не подражай!
Бить враговъ на ратномъ полѣ
И похвально, и должно,
Но срывать сердца грѣшно
Надъ томящимся въ неволѣ!
Нѣмцевъ въ битвѣ — не щади,
Привыкай къ кровавымъ сценамъ,
Но съ участием подходи
Къ нѣмцамъ раненымъ и плѣннымъ:
Тяжкихъ ранъ не береди!

Пострадавшимъ братьямъ вѣря,
Возмущайся, презирай
И кляни тевтона-звѣря,
Но ему — не подражай!

Поль Домби.

НОЧНОЙ СМОТРЪ.

(Фантазія.)

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ съ кровати встаетъ Гогенцоллернъ; на немъ, сверхъ цвѣтного бѣлья, сѣрбеть мундиръ бутафорскій; картонная шпага виситъ на шиткѣ, торча изъ мундира, и въ туфляхъ онъ, вмѣсто сапогъ, и шляпа на немъ — изъ бумаги; сверкаетъ игрушечный конь и пахнетъ во-всю свѣжимъ лакомъ.

На этой лошаdkѣ верхомъ Вильгельмъ проѣзжаетъ по «фронту»: стоятъ на паркетномъ полу вершковыя дружно солдаты, и «армія» честь отдаетъ, — покорная трепету нитокъ, что держитъ Вильгельма кулакъ, — и «маршалы» ручками машутъ, въ суставахъ визжа и скрипя; бѣгутъ, дребезжа, «адъютанты».

Своими руками Вильгельмъ изъ олова маршаловъ сдѣлалъ, изъ дерева — вѣрныхъ солдатъ, изъ жести — лихихъ адъютантовъ. И — прозные — мимо него проходятъ полки за полками.

И всѣхъ «генераловъ» своихъ потомъ онъ въ кружокъ собираетъ, и ближнему на ухо самъ онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ: и «Пруссія» — этотъ пароль, а лозунгъ — «Плевать на культуру!».

Вильгельмъ, запахнувшись въ сюртукъ, скрестивши съ трудомъ свои руки, предъ ратью игрушечной рѣчь, враговъ понося, произноситъ.

Но близится хладный разсвѣтъ, и шумъ во дворцѣ раздается: бѣгутъ доктора, и въ рукахъ студеныя держатъ компрессы. Игрушки его отобравъ, Вильгельма куда-то уводятъ.

Больной протестуетъ, кричитъ, но голосъ его замираетъ, и снова старинный дворецъ стоитъ, попруженный въ молчанье.

* * *

Такъ къ новымъ игрушкамъ своимъ на смотръ генеральный — съ кровати въ двѣнадцать часовъ по ночамъ встаетъ Гогенцоллернъ Послѣдній.

Мих. Пустынинъ.

ГЕРОЯМЪ — ПАМЯТНИКЪ.

Парижъ. Сообщаютъ поразительный примѣръ героизма и самоабвенія французскихъ офицеровъ.

Генераль Кастельно во время боя диктовалъ ординарцу какое-то донесеніе, когда вошелъ офицеръ и доложилъ о смерти сына генерала Кастельно, павшаго на полѣ битвы.

Престарѣлый генераль одно мгновеніе остался неподвижнымъ, затѣмъ, обращаясь къ начальнику своего штаба и адъютанту, сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Итакъ — дальше, господа...

* * *

Вотъ что телеграфируютъ „Рус. Сл.“ изъ Парижа о геройствѣ телеграфистки, не покинувшей свой постъ въ минуту опасности:

„Маленькій городъ Этенъ два раза подвергся страшной бомбардировкѣ. Почти всѣ жители въ паникѣ покинули городокъ.

Завѣдывая почтово-телеграфной конторой, молодая дѣвушка не покинула свой постъ и продолжала работать. Она разговаривала по телефону съ начальникомъ верденской телеграфной конторы. Последними ея словами были: „въ контору упала бомба“... Телефонное сообщеніе на этихъ словахъ прервалось“.

* * *

Бѣлградъ. Правительствомъ опубликовано нижеслѣдующее офиціальное сообщеніе:

„Во время восьмидневныхъ боевъ на фронтѣ Шабацъ—Дрина австрійцы потеряли около 40.000 человекъ убитыми. Сербъ за-

хватили 8.600 пленныхъ и 1.500 раненыхъ. Сербамъ досталась богатѣйшая военная добыча: 40 скорострѣльныхъ орудій, 17 гаубицъ, 85 артиллерійскихъ повозокъ, 36 пулеметовъ, 12 ящиковъ съ револьверами, 16.000 ружей, 4.000 шрапнелей скорострѣльныхъ орудій, 3.000 гаубичныхъ шрапнелей, 3.000 лошадей и 600 быковъ.

Потери сербовъ: 8.500 раненыхъ и 1.500 убитыхъ“. (СПА.)

* * *

Раненый русскій капитанъ рассказываетъ о подвигѣ трубача одного изъ русскихъ кавалерійскихъ полковъ.

Во время кавалерійской атаки, трубачъ находился вблизи командира полка.

Вдругъ трубачъ замѣтилъ, что три австрійскихъ маіора подкрадываются сзади къ командиру, чтобы убить его и привести русскій полкъ въ замѣшательство.

Трубачъ выхватилъ шашку, бросился и сильнымъ ударомъ отрубилъ руку одному, ранилъ другого въ щеку и ухо, а третій обратился въ бѣгство и смѣшался съ рядами непріятели.

Командиръ полка, увлеченный атакой, ничего не замѣтилъ.

* * *

По сообщеніямъ лондонскихъ газетъ, въ Горльстонъ повѣлся известный военный дѣятель полковникъ Альфредъ Гейнелль Робсонъ и оставилъ послѣ себя такую записку:

„Наступило грозное время, но я уже не въ силахъ служить моей родинѣ: я дряхлю, мнѣ семьдесятъ лѣтъ. Для родины я теперь лишній ротъ и потому предпочитаю поскорѣе уйти“.

РУССКІЯ ЗВѢРСТВА.

(Очерки изъ жизни военнопленныхъ.)

Находящійся въ плѣну нѣмецъ пишетъ, что онъ живетъ въ казармахъ, получаетъ вволю хлѣба и два раза въ день горячія кушанья — все „на счетъ короны“. Отъ 2 до 6 час. нѣмцы могутъ принимать гостей. Словомъ, какъ выражается нѣмецъ, онъ находится въ веселой тюрьмѣ. „Копѣйка“.

— Ваше благородіе! Тамъ нѣмцы пришли...
— Какіе нѣмцы?
— Такъ что добровольцы.
— Чего же они хотятъ?
— Въ плѣнъ просятъ... Бѣда говорятъ, жизнь заѣла... Дорого все. Очень просятъ.
— Скажи Николаеву, чтобы взялъ.

* * *

— Въ плѣнъ просятъ... Бѣда, говорятъ, жизнь заѣла... мѣстныхъ жителей набросилась на нѣмцевъ и стала ихъ кормить.

— Ишь ты, нѣмцы чортовы, — раздались негодующіе голоса, — ѣшьте, ѣшьте, нечего голодными ходить... Я т-тебѣ не поѣмъ... Я тебѣ оставлю кусокъ на тарелкѣ — ѣшь, ѣшь... Это тебѣ не Германія...

Когда голодъ былъ утоленъ, толпа снова набросилась на плѣнныхъ и стала растаскивать ихъ по квартирамъ.

— Иди, иди, нѣмецъ... Вотъ тутъ и жить будешь, колбасникъ... Не нравится?... Сюда иди... Чего большая?... Квартира большая? Ничего, обживешься...

— Чего одну комнату?... И въ трехъ проживешь, не маленькой... Не въ собачью же будку тебя сажать, здѣсь тебѣ не родина... Волоки его, братцы, вотъ въ ту, что съ параднымъ ходомъ... Клади его на диванъ...

— Бери, бери, пивной чортъ... Это тебѣ не полтинникъ, а трешница... Бери, говорю, не своя воля, чай... Плѣнный ты... Уй-уй-уй... И грязный же ты... Чисти, братцы, нѣмца...

— Вычистили? Спать его укладывай, собаку... Не хочешь? Этого, братъ, нельзя, спать не будешь — брюхо спадетъ... Спи, спи!.. Эй вы, народъ, кто тутъ укачивальщикъ хорошій?... Укачивай нѣмца...

— Спать?... Ишь ты, храпитъ нѣмецъ... Ну вы, которые—построже съ нимъ... Чтобы шуму этого, или крика не было — спать человекъ! Въ другомъ мѣстѣ орать можете...

* * *

— Ты чего, нѣмецъ, зѣваешь? Скучно, что ли? Фу ты, чортъ, и чего тебѣ надо?... Въ плѣну, а скучаешь... Ну ладно, ладно, сейчасъ... Эй, Митька... Сыграй-ка ему, только повеселѣе что, а то и въ морду получить можешь... Играй, играй... Не видишь, что къ военнопленному приставленъ?..

— Опять зѣваешь?... Фу-ты, чтобъ тебя... Плясать-то не умѣю, я бы тебѣ... Ну, да ужъ пропади ты... На тебѣ... Ляй-ляй — тра-та-та, тамъ-тамъ — три-ти-ти... Видишь, какъ ногами-то выдѣлываю... Смѣешься? Ну то-то. Тутъ тебѣ не Германія, въ плѣну, чай...

* * *

— Ваше благородіе! Выселяютъ.
— Кто выселяетъ?
— Нѣмцы выселяютъ. Уѣзжайте, говорятъ, надоѣли намъ эти русскія свиньи...
— Да вѣдь они же военнопленные...
— Не понимаютъ они... Какъ нѣмцу втолкуешь...
— Ну, что же вы дѣлать-то думаете?
— Уѣхать придется... Чего же мы, звѣри, что ли...
— Нельзя. Растолкуйте имъ...

* * *

— Нельзя намъ уѣзжать, нѣмцы. Мы, то-есть, сами тутошніе, здѣшніе, значитъ... А вы, въ родѣ, будто, значитъ, военнопленные и васъ къ намъ начальство пригнавши...

— Врете, варвары, — сухо отвѣтили нѣмцы, — сами пріѣхали. Мы добровольцы.

Населеніе было удручено.

— Ну что же... Багажу-то у насъ не горы... И уѣхать можемъ... Петька! Найми-ка подводу...

— Эй вы, нѣмцы, чего же вы бабу-то мою бьете? Такъ нельзя... Что? Военнопленная? Какъ такъ... Эй-эй... Такъ нельзя... Чай, вы военнопленные, а не мы... Ну ладно, ладно, отпускайте бабу — уѣдемъ...

* * *

Въ моментъ отъѣзда населенія пришла телеграмма о мирѣ. Германія была уступлена Берлинъ и кусокъ Австріи.

— Мы побѣдили, — ликовали военнопленные, — теперь вы наши.

— Ничего подобнаго. Германія разбита.

— Разбита! Подумаешь!.. Теперь, можетъ, и разбита, а мы уже раньше рѣшили, что Россія разбита. Чья взяла?... Населеніе стало бодрѣе.

— Ну, ну... Нечего тамъ... Выѣзжайте... Теперь ужъ вы не въ плѣну... Пайковъ никакихъ, — сами по себѣ живите...

— Это насиліе, — возмутились нѣмцы, — мы не позволимъ... Вы выгоняете насъ... Русскіе варвары, дикари!..

* * *

— Эй, ребята! Хватай вотъ того, съ пивомъ... Выселяй его...

— Упирается...

— Чего же онъ хочетъ?

— Я, — говоритъ, — военнопленный...

— Да война-то кончилась...

— Это, — говоритъ, — не мое дѣло...

— Выселяй, выселяй... Пусть самъ деньги зарабатываетъ... Сажай его на поѣздъ... Бери ему билетъ... Вали въ него провіантомъ...

* * *

Высокій жилистый нѣмецъ стоялъ на перронѣ вокзала и мрачно смотрѣлъ на окружающихъ.

— Выселяйте, выселяйте, — злобно шепталъ онъ, — мы вамъ покажемъ какъ плѣнныхъ освободить... Отблагодарили, нечего сказать... Мы у нихъ ѣли, мы у нихъ пили, мы у нихъ деньги брали, а теперь — свобода... Вспомнятся вамъ наши слезы, варвары...

Арк. Буховъ.

СОБАКА НА СѢНѢ.

Всѣ сокровища искусства отправляются изъ Брюсселя въ Берлинъ.

Налетѣли кретины, полонили, разбили, Дорогія картины взяли себѣ порѣшили.

Значитъ, денежекъ стоитъ, коли ихъ собираютъ. Пусть бельгіецъ повоетъ, — разъ добро забираютъ.

Предъ картиной Рембрандта всталъ фельдфебель сердитый. Взявъ примѣръ съ лейтенанта, сдѣлалъ видъ дѣловитый.

— Ишь ты бабочку, шельма, посадилъ на кровати... Взять, во имя Вильгельма! Да и статую кстати!

Ишь ты!.. Подпись: «Венера!» Тоже въ Берлинъ отправимъ. Тамъ еѣ для примѣра на колонну поставимъ.

Рыло глиной подмажемъ, сунемъ пушку подмышки, Да потомству и скажемъ: — Полюбуйтесь, дѣтишки.

Что, молъ, въ бабѣ плохого? Ишь, закрылася... Стыдно?!.. Баба изъ Ченстохова... Посмотрѣть не обидно!..

Эка нація дура! Ну, скажите, — забава ль Вотъ хоть эта правюра и эстампная заваль?

Краски, знать, не хватило, — такъ перомъ рисовали. Не народъ, а Атилла! Взять, — повѣсимъ въ биргалле.

Это что же? — «Весталка»? Ишь, какая фигура! Даль бы марку!! Не жалко! Тоже — губа не дура.

Не урвется изъ плѣна! Я фигуру такую На предметъ манекена дамъ кумѣ въ мастерскую.

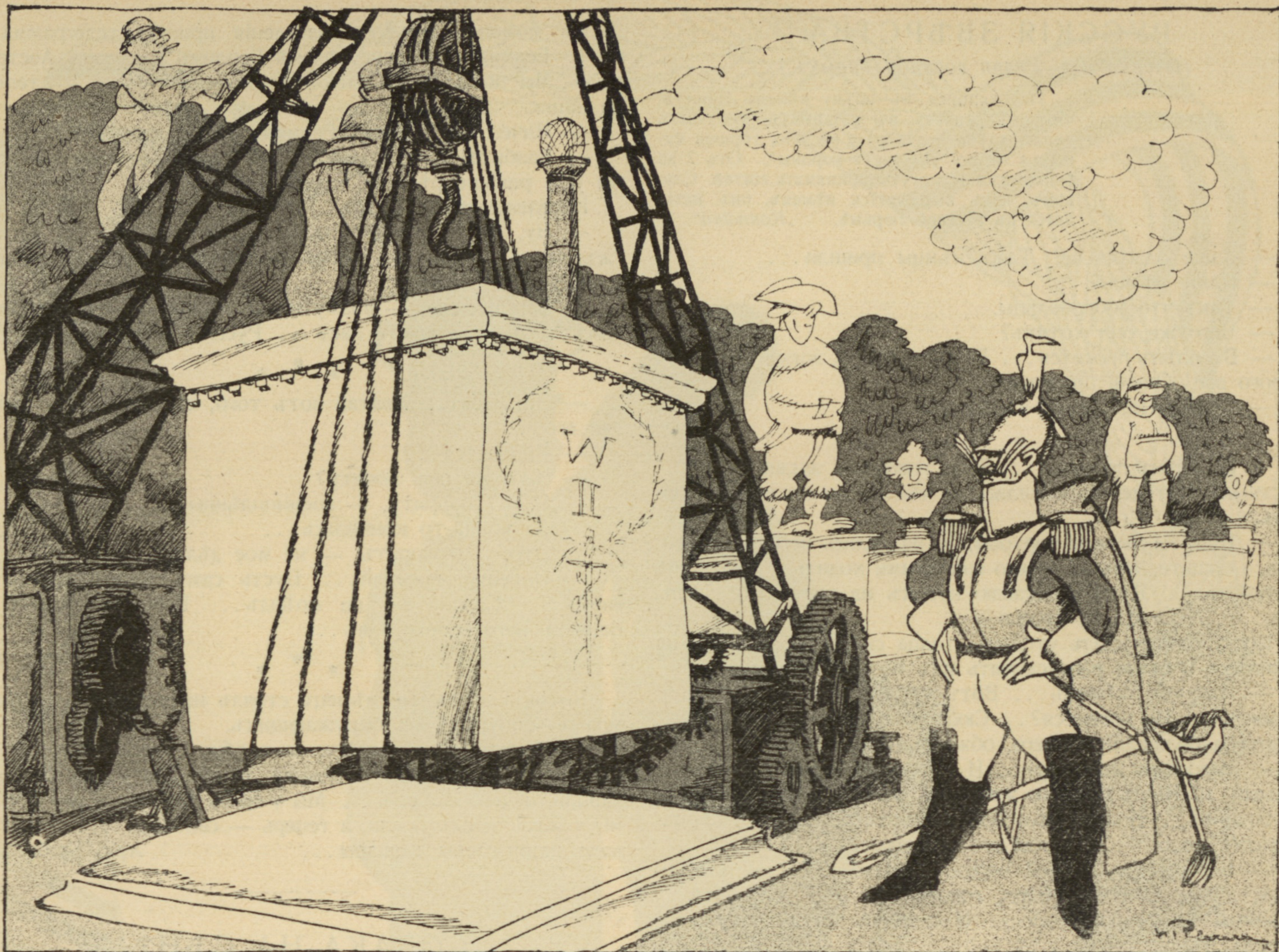
Книги? — Дѣло пустое. Чай, гроссбухи, приказы. Ну, добро-то такое мы сожжемъ отъ заразы.

«Ноч!» кричите, кретины, создавая былинку: — «Дорогія картины стали нужны Берлину».

Правда, вещи-то «падалъ», — всё жъ опрабить пріятно!

Но... развязывать надо ль? Вѣдь, отнимутъ обратно!

Евг. Вѣнскій.

УСТАНОВКА ВЪ „АЛЛЕЪ ПОБѢДЪ“ ПЬЕДЕСТАЛА ДЛЯ ПАМЯТНИКА ВИЛЬГЕЛЬМУ II.

— Выдержитъ ли онъ только мою статую?

18 АВГУСТА 1914 Г.

Нынче праздникъ у Ликурга
И, при томъ, еще какой:
Съ упраздненьемъ Петербурга
Славный грекъ обрѣлъ покой!
О, примите, волны Леты,
Хладный мученика прахъ,
Что терзали всѣ поэты
Двѣсти лѣтъ въ своихъ стихахъ!
Что хватали, то и дѣло,
За истлѣвшіе бока...
Спи, истерзанное тѣло
Горемыки-бѣдняка!
Черныхъ дней прошла плеяда:
Умеръ, умеръ Петербургъ,
А для града Петрограда
Ты ненадобень, Ликургъ!

Щ.

ПОБѢДА.

Тускло горѣлъ ночничекъ. Нянька переливчато храпѣла. За печкой кто-то,—вѣроятно, домовой,—шуршаль по обоямъ. Было страшно. Сердечко Вали колотилось быстро-быстро.

На стѣнѣ алѣла Германіей «Карта войны 1914 г.». Къ этой картѣ были прикованы мысли Вали.

— Папа тамъ, въ черномъ кружочкѣ... Откуда это мама знаетъ? Какъ смѣшно: въ такомъ маленькомъ кружочкѣ помѣстились и его большіе усы и шпоры... А нѣмцы нехорошіе такіе: раненыхъ убиваютъ...

Валя вспоминаетъ, какъ болѣла ранка на его ногѣ, когда онъ напоролся на гвоздь, и ему становится жалко бѣдныхъ раненыхъ.

— Пошлю имъ на десять копеекъ свинцовой примочки, пусть къ синякамъ прикладываютъ...

— Мама плакала, когда провожала папу и на вокзалѣ «ура» кричала. Плохо она кричала, куда хуже меня. А здорово кричалъ «ура». Она покричитъ и поплачетъ, поплачетъ и покричитъ.

Валѣ ужасно хочется крикнуть, но онъ боится разбудить няню.

— Мама каждый день переставляетъ флажки на картѣ. Какъ всѣ русскіе флажки будутъ на красномъ пятнѣ — такъ папа и вернется. Мама сказала, а она все знаетъ! Какъ побѣдятъ наши солдатики, такъ и всѣ флажки тамъ будутъ, а папа — дома...

Валя смотритъ, высовываясь изъ кровати, на карту, но въ полутьмѣ не можетъ разглядѣть того мѣста, гдѣ теперь его отецъ.

— Какъ мы побѣдимъ, такъ отецъ, значить, и выльзетъ изъ этого черного кружочка!..

Пораздумавъ немного, Валя пришелъ къ заключенію, что отцу нужно помочь.

Одѣяло отшвырнуто въ ноги, Валя уже верхомъ на желѣзной перекладинѣ... Мгновение — Валя въ одной рубашонкѣ стоитъ на стулѣ подъ картой и, торопливо выдергивая русскіе флажки, пересаживаетъ ихъ на германскую территорию.

Вотъ перенесенъ послѣдній флажокъ... Полная побѣда!

Валя спрыгиваетъ со стула, прокрадывается къ кровати и, совершенно успокоенный, укладывается спать.

Завтра долженъ пріѣхать папа.

Исидоръ Гуревичъ.

СРЕДИ ОТСУТСТВУЮЩИХЪ.

— Скажите, пожалуйста, Карль Францевичъ дома?

— Извините, господинъ Швайнбергъ въ плѣнъ уѣхавши.

НѢМЕЦКАЯ ПРАКТИЧНОСТЬ.

Знаменосецъ-австріецъ сталкивается на полѣ битвы съ знаменосцемъ сербомъ...

АВСТРІЕЦЪ. Слушай, давай безъ драки помѣняемся знаменами.

СЕРБЪ (простодушно). Да зачѣмъ?

АВСТРІЕЦЪ. Вотъ чудакъ! Тогда мы оба получимъ по награды за отбитіе неприятельскаго знамени.

ВОЕННЫЙ ЛЕТЧИКЪ.

Воздушный путь свободенъ мой;
 Воздушный конь меня не сброситъ,
 Пока мотора слитенъ вой
 И винтъ упорно воздухъ коситъ .
 Надъ пропастью полуверсты
 Слѣжу неутомимымъ взоромъ
 За неогляднымъ, съ высоты,
 Географическимъ узоромъ.
 Стальные жилы дальнихъ рѣкъ
 Блестятъ въ отрѣзахъ желтыхъ пашень.
 Я мимолетный свой набѣгъ
 Стремлю къ массивамъ вражыхъ башень.
 На ясномъ заревѣ небесъ
 Поетъ шрапнель, взрываясь бурно . . .
 Какъ невеликъ отсюда лѣсъ!
 Какъ цитадель миниатюрна!
 Недвижны кажутся отсель
 Полковъ щетинистые ромбы,
 И въ нихъ — войны живую цѣль,
 Я, мѣтясь, сбрасываю бомбы.

Германскихъ пуль унылый свистъ
 Меня нащупываетъ жадно.
 Но смерклось; рѣзкій воздухъ мглится;
 Я живъ и ухожу обратно.

Лечу за флагомъ боевымъ
 И на лугу ночномъ, на русскомъ,
 Домой, къ огнямъ сторожевымъ
 Сойду планирующимъ спускомъ. А. С. Гринь

КАЦЪ.

*Посвящается второму георгиевскому кавалеру нынѣшней войны
 рядовому Кацу.*

Милый, доблестный Кацъ!.. Твоему коллегѣ по героической защитѣ родины, казаку Крючкову, въ «Новомъ Сатириконе» посвятили красивое и длинное стихотвореніе. Очень жалѣю, что я не умѣю писать красивыхъ стихотвореній, и вынужденъ посвятить тебѣ неумѣлую, неуклюжую прозу . . .
 Прости меня.

Прости и за то, что сдѣлаю твою фамилію — нарицательной, твою доблесть — обыденной, а исторію, можетъ быть, печальной . . .

Прости, что меньше всего я буду говорить о твоей храбрости и, можетъ быть, совсѣмъ не прослаблю твоего героизма.

Да и нужно ли тебѣ все это, георгиевскій кавалеръ Кацъ? . . .

Я читалъ о тебѣ давно. Не помню, гдѣ. Въ старыхъ запыленныхъ книгахъ никому невѣдомыхъ либеральныхъ калѣкъ. Они хотѣли убѣдить русское общество, что евреи тоже люди, и для этого писали бездарные рассказы — между прочимъ, и изъ военнаго быта . . .

Въ этихъ рассказахъ ты, Кацъ, былъ неизмѣннымъ героемъ и, обыкновенно, назывался Гершкой или Мордкой. Обыкновенно, Гершко или Мордко Кацъ въ началѣ рассказа былъ самымъ трусливымъ, самымъ недостойнымъ солдатомъ, но въ разгарѣ сраженія (непремѣнно, въ разгарѣ сраженія) оказывался героемъ. Обыкновенно, въ самый горячій моментъ, когда «шальная» непріятельская пуля сбивала съ головы полковника фуражку, и бѣдная фуражка катилась по косогору, засыпаемому непріятельскимъ огнемъ, и когда «весь полкъ» «замиралъ» (непремѣнно, «замиралъ») — тогда Гершко Кацъ, какъ молодой левъ, «вдругъ» (непремѣнно, «вдругъ») бросался къ косогору и подъ ужаснымъ огнемъ ловилъ полковничью фуражку . . .

И тутъ, обыкновенно, происходило то, ради чего, собственно, писался рассказъ . . .

По красному, обвѣтренному и закаленному въ бояхъ лицу полковника текли слезы умиленія . . .

— Молодецъ, Гершко Кацъ! — торжественно восклицалъ онъ, вытирая глаза кулакомъ, съ зажатой въ немъ рукояткой сабли . . .

— Радъ стараться, ваше высочайшее! — скромно потупивъ взоры, отвѣчалъ Кацъ.

— Ты еврей, Кацъ? — обнаруживая вопіющую ненаблюдательность, спрашивалъ полковникъ.

— Такъ точно! — со скромнымъ достоинствомъ отвѣчалъ Кацъ . . .

И полковникъ, не слѣзая съ лошади, въ присутствіи «всего полка», который продолжалъ «замирать», произнесъ длинный и горячій монологъ о томъ, что евреи такой же народъ, какъ и другіе, и что живутъ они, какъ всѣ люди, и ѣдятъ, какъ всѣ люди, и дѣтей рожаютъ, какъ всѣ люди, и воюютъ, какъ всѣ люди . . .

И только высказавъ все это въ длинныхъ, распространенныхъ и «литературныхъ» предложеніяхъ, съ критикой сionизма, или, наоборотъ, съ защитой его — полковникъ продолжалъ сражаться . . .

Таковъ ты былъ, Кацъ, въ этихъ рассказахъ . . .

Мы же читали и думали: Боже, отчего всѣ, такъ называемые, русско-еврейскіе писатели такъ бездарны? Всѣ, всѣ, начиная отъ старыхъ, покрытыхъ мхомъ, Пружанскихъ и кончая послѣдними, «знаменитыми» и модными?

Отчего такъ трудно доказывать очевидное?

Отчего такъ каторжно-трудно доказать, что евреи — люди, такіе же люди, какъ всѣ, и что въ употребляемые ими крѣпкіе напитки не входитъ, напимѣръ, христіанская кровь? . . .

Но, слава Богу, Кацъ, по поводу твоей доблести никто уже сейчасъ не будетъ доказывать, что ты тоже человѣкъ, тоже любишь родину и умѣешь, если это нужно, сражаться за нее . . .

Люди какъ будто начинаютъ понимать, что дважды два — четыре.

Уже не нужно писать больше рассказовъ про подвиги Гершки Каца.

Бездарный, вымышленный Кацъ, сталъ красивой дѣйствительностью . . .

Кацъ какъ будто перестаетъ быть той затравленной мышью, за которой такъ долго охотились черные и злые коты . . .

Поздравляю тебя, Кацъ!

Люби, попрежнему, свою родину, сражайся за нее, какъ можешь, дѣлай свое великое дѣло, и пусть крѣпитъ тебя основная неугасимая сила твоей еврейской души: надежда. Надѣйся!

Твоя великая родина не забудетъ тебя. Ефимъ Зозуля.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Такса.

Живы еще у насъ тѣ люди, которые дрались на Балканахъ за свободу Болгаріи. У Болгаріи слабая память — и теперь во всѣхъ газетахъ промелькнула телеграмма:

Софія. Вчера проѣхали черезъ Софію нѣсколько сотъ германскихъ моряковъ изъ Германіи черезъ Австрію и Румынію въ Царьградъ.

Если Болгарія хочетъ поступать логично, то за этотъ переѣздъ она не должна брать больше тридцати сребренниковъ. За такое отношеніе къ ближнему, проливавшему кровь, это уже установленная такса.

Пѣснь торжествующей свиньи.

Корреспонденты описываютъ торжество вступленія нѣмцевъ въ очищенный бельгійцами Брюссель:

...на лошадяхъ были посажены медвѣжата въ мундирахъ генераловъ бельгійской арміи, а къ стремянамъ прусскихъ кавалеристовъ были прикованы бельгійскіе офицеры.

Если союзныя войска побѣдятъ нѣмцевъ, то на вышеприведенное поведеніе Германіи — можетъ быть только одинъ отвѣтъ: въ день вступленія союзныхъ войскъ въ Берлинъ — слѣдуетъ устроить на одной изъ главныхъ площадей высокой помостъ, крытый краснымъ бархатомъ, возвести на этотъ помостъ Вильгельма, и на глазахъ многочисленной благоговѣйно притихшей толпы — выдрать ему уши.

Единственный отвѣтъ на медвѣжатъ въ мундирахъ убитыхъ въ бою бельгійскихъ генераловъ.

Въ одно и то же время...

И — параллельно этой идиотски-грубой процессіи съ медвѣжатами — благородная, прекрасная демонстрація бельгійцевъ:

Передъ вступленіемъ нѣмцевъ въ городъ брюссельцы лихорадочно украшали столицу флагами союзниковъ и національными бельгійскими цвѣтами.

Когда нѣмцы вступили въ Брюссель, онъ весь тонулъ въ флагахъ Англіи, Франціи, Бельгіи и Россіи.

ОБОРОТЕНЬ.

Жиль-быль у нѣмцевъ царь. По-ихнему звать того царя мудрено ужъ очень, а по-нашему куда какъ просто — Василій Федоровъ.

Сапоги у Василя по брюхо, шапка мѣдная по самые буркалы надвинута, а на шапкѣ той птица черная, понавѣшено на Василя пистолетовъ да сабель по самые зубы видимо-невидимо, а кулаки въ чугунныя рукавицы вдвинуты... Дикобразъ, а не царь!..

Правиль Василю нѣмцами безъ затѣй...

Налопаются сосисокъ, пивомъ зѣнки зальетъ, выбѣжитъ на балконъ и давай кочевряжиться:

— Я-ста, да мы-ста, мы-ста, да я-ста!..

Только и всего.

А иной разъ и совсѣмъ разбахвалится:

— Нѣтъ меня на свѣтѣ первѣе!.. Я и то, я и се — нѣтъ меня превыше!.. А разъ я и обезьяну выдумалъ — нѣтъ меня сильнѣе!..

Оно, конечно, каждому забіякѣ лестно похвастать...

Нѣмцы ему не перечили, потому какъ имъ не ахти что и надо для полного благополучія — было бы пиво, сосиски, да толстая Амалья въ придачу...

Только и всего...

А Василю разошелся во всю — ткнетъ кулакомъ на востокъ и заоретъ:

— Ахъ вы такіе-сякіе russische Schweine!.. Безтопочъ вы, а не люди — вотъ вы гдѣ у меня!..

И на рукавицу показываетъ.

Ткнетъ кулакомъ на западъ, закричитъ благимъ матомъ:

— Ахъ, вы, французишки проклятые — плевый народишко!.. Вотъ вы у меня гдѣ!..

И на другую рукавицу указываетъ.

Услышали все это французы и русскіе, говорятъ деликатно:

— Ты насъ, Василю Федоровичъ, не замай... И опять же такъ лаяться довольно-таки неприлично и нехорошо... Живи у себя по-своему, мы тебѣ въ этомъ не препятствуемъ. А только ругаться зря не позволимъ... Опять же наша жизнь не твоего ума дѣло... Такъ-то, Василю Федоровичъ.

— Какъ не моего ума дѣло, разъ я обезьяну выдумалъ?!

— А ты не обижайся, милый!.. Обезьяна, Василю, это особъ статья, а только ты насъ не тревожь, потому какъ мы — Европа, и для улучшенія жизни дѣла у насъ непочатый уголь...

Засопѣлъ-запыхтѣлъ Василю, разобидѣлся:

— Я самый отчаянный человекъ, я и есть — Европа!.. Всѣхъ расшибу, повсюду сосиски съ пивомъ введу, тогда всѣ пардону запросите!..

А какъ былъ онъ не въ своемъ умѣ, то и давай руками длинными-загребучими налѣво-направо размахивать.

Пожали плечами русскіе, покачали головами французы, промежь себя гуторятъ:

— Никакъ Василю белены объѣлся?.. Этакій несуразный какой!..

И англичанка смотрѣла-смотрѣла, на что молчалива была — не вытерпѣла:

— Такъ, Василю, не годится поступать!.. За такія твои слова слѣдуетъ тебѣ уши надрать!.. Зря вѣдь всѣхъ обижаетъ...

Да развѣ усовѣстишь такого! Обадѣлъ Василю отъ самодовольства, раскудахтался:

— Выходите всѣ на крѣпкій бой, на послѣдній бой!.. Кто кого побьетъ, того и правда.

Повздыхали французы-русскіе, развела руками англичанка — ну, да дѣлать нечего: видятъ, что надо Василю прочить хорошенько, а то отъ рукъ отбился окончательно, — нѣтъ на него уему, да и только.

И согласились биться съ Василюемъ до послѣдняго.

А Василю разбушевался во всю. Нѣтъ, чтобы честно бороться, облютѣлъ совсѣмъ — звѣрь звѣремъ!

Пошелъ въ своихъ сапожищахъ по чужой землѣ со опричиной, — малыхъ дѣтокъ давить, въ неповинныхъ людей изъ пистолета пуляетъ, молодыхъ дѣвокъ безчестить, глаза раненымъ выкалываетъ, страсти, какъ надъ людьми измывается!..

Такое непотребное дѣлаетъ, что и сказать нельзя.

Пробовали его образумить:

— Не годится, Василю, этакъ-то!.. Посмотри, на кого ты похожъ... Звѣрь ты, а не человекъ... Постыдился бы!

Рис. Ре-ми.

...Многіе нѣмцы, взятые въ бою въ плѣнъ, были пьяны такъ, что еле держались на ногахъ.

(Изъ газетъ.)

Вильгельмъ II: — Мой солдатъ такое нѣжное растение, что его нужно поливать какъ можно чаще!

Да гдѣ тамъ!.. Совсѣмъ Василій съ пантальку сбился. Мирныя деревушки сжигаетъ, раненыхъ прикалываетъ, уши плѣннымъ отрѣзаетъ, руки отпиливаетъ, страсть какъ надъ людьми издѣвается!..

Такія пакости сталъ творить, что смотрѣть — оторопь беретъ.

Совсѣмъ обличье челоуѣче потерялъ—звѣрь—звѣремъ.

Разсердились не на шутку союзники, сцапали Василя за шиворотъ, да и давай его трясти, ровно грушу. Да такъ трянули, что сапоги у Василя съ ногъ свалились, одежонка, какая была, опала лохмотьями; каска у Василя наземь скочилась, посейчасъ бренчитъ, ну, а пистолеты тамъ разные, сабли вострыя и прочее оружіе во всѣ стороны отлетѣло.

Трянули этакъ-то, стоятъ вокругъ и дивуются: передъ ними чудо-чудное, диво-дивное...

Въ рукахъ у нихъ не Василій Федоровичъ, нѣмецкій царь, а самый что ни на есть оборотень обезьяняго вида: весь въ шерсти рыжей, глазки подъ низкимъ лбомъ пробурвлены, зубы клякастыя оскалены, и опять же хвостъ.

Рычить оборотень — огрызается... Горилла будто бы.

Ну, видятъ всѣ, что обезьяна у нихъ въ рукахъ, та самая, которую нѣмецъ выдумалъ... Понимаютъ всѣ, что съ такимъ хищникомъ шутки плохи.

И посадили ту обезьяну на цѣпь, а въ поводыри серба наняли.

Водить поводырь Ваську по ярманкамъ, кнутомъ помахиваетъ, а когда Васька зубы оскалитъ, тогда и ударитъ разокъ, другой для остратки.

Обучилъ сербъ Ваську штукамъ разнымъ затѣйнымъ. Приведетъ куда въ село — нараспѣвъ приговариваетъ:

— А по-окажи намъ, Васька, какъ ты на война хо-одилъ!..

— А пока-ажи теперъ, какъ ра-аненыхъ добивалъ!..

— А теперъ покажи, какъ тво-ой хвостъ прищемили!..

Дивуются мирные люди, головами покачиваютъ:

— Поди жъ ты, какая чудасія!.. Баютъ, челоуѣкомъ былъ, а вишь, въ какую безобразину обернулся... До чего только этотъ самый нѣмецъ не дойдетъ!.. Охъ, грѣхи наши тяжкіе!..

Полярный.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОРЪ.

МЕЧТЫ НѢМЦЕВЪ.

Вотъ новая химера собора Парижской Богоматери, которая должна привести парижанъ въ настоящій ужасъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Трудно соглашаться съ яркими сторонниками милитаризма, что война имѣетъ много облагораживающихъ сторонъ, но нельзя не обойти молчаніемъ, что война сильно всколыхнула провинціальную тупость и уныніе... За нѣсколько дней до начала военныхъ дѣйствій уманская газета писала:

Уѣхали борцы и сразу какъ-то скучно стало.

„Облетѣли цвѣты, догорѣли огни.

Непроглядная ночь какъ могила темна“.

Приунылъ уманецъ.

А давно ли во всей провинціальной Россіи опереточныхъ артистовъ провожали непременно съ такими адресами:

— Дорогая Елена Петровна! вмѣстѣ съ Вашимъ уважаемымъ поѣздомъ уѣдетъ отъ насъ и солнце. Чѣмъ жить, чѣмъ, извините, дышать? Закатилось солнце Аустерлица надъ городомъ Чечменемъ, Ярославской губерніи! Vivant morituri, consules te caveant!

* * *

Въ то время какъ наши войска берутъ приступомъ твердыни, мирное населеніе провинціи безропотно пассивно предъ неприступностью иностранныхъ языковъ.

Одна изъ южныхъ газетъ пишетъ:

Петербургъ. Изъ Парижа телеграфируютъ: „Тимесъ“ пишетъ

А другая, дальне-восточная еще лучше:

Тяньцзинь. Телеграфируютъ въ Делемейль, что нѣмцы разстрѣляли трехъ японцевъ, фотографировавшихъ форты Цинтао.

О городѣ „Делемейль“ трудно написать много интереснаго уже потому, что это не городъ, а названіе газеты „Daily Mail“.... Я не удивлюсь, если увижу и такую телеграмму:

— Темпсъ. Въ сраженіи у Тимеса капитанъ Делемейль блестяще пустилъ ко дну броненосецъ „Берлинеръ Тагеблять“ и самъ ушелъ въ бухту Матинъ. Захвачена маркиза Корьерра де ля Серра, которую сопровождалъ турецкій подданный Танинъ.

* * *

Въ Африкѣ во время войны за каждымъ войскомъ слѣдуютъ шакалы... Они трусливы, вороваты, отъ одного выстрѣла бросаются со всѣхъ ногъ прочь, но послѣ всякой битвы, крадучись, приближаются къ грудамъ убитыхъ и устраиваютъ себѣ пиршество.

Такой шакалъ, крадущійся за арміей, — „Синій Журналъ“.

Въ каждомъ номерѣ онъ беззастѣнчиво, пользуясь суматохой военного времени, обманываетъ взвинченную событіями публику, набрасываящуюся на все, что носитъ на себѣ штемпель „военное“.

Въ одномъ изъ „военныхъ“ номеровъ этого журнала помѣщена фотографія: англійскіе моряки выглядываютъ изъ-за какой-то рѣшетки (?), а подъ фотографіей подпись:

— „Англійскіе запасные матросы кричатъ роднымъ „До свиданья!““.

А въ номерѣ 18-мъ „Син. Журн.“ за 1912 годъ помѣшена та же самая фотографія, но подпись подъ ней такая:

— „Матросы „Титаника“, заключенные за рѣшетку, до дачи показаній“.

Черезъ мѣсяцъ мы увидимъ ту же фотографію съ новой подписью:

— „Плѣнные пруссаки, заключенные въ Вестминстерскомъ аббатствѣ“.

А еще черезъ мѣсяцъ:

„Депутація голландскихъ колоній, явившаяся поздравить редактора „Синяго Журнала“ съ днемъ ангела“.

Жалкіе шакалы. Бѣдный простофиля — читатель.

* * *

„Петербург. Газета“, какъ горячая лошадь, всегда заскакиваетъ дальше, чѣмъ нужно.

Читаемъ такую фразу:

Грубые, вскормленные на плохомъ пивѣ, нѣмцы...

Можно говорить о нѣмцахъ, что угодно. Они заслуживаютъ всяческаго униженія.

Но сказать, что у нѣмцевъ плохое пиво, это значитъ, что горячая лошадь заскакала очертя голову за всѣ возможные предѣлы.

* * *

Одинъ корреспондентъ изъ Бѣлграда (не назывемъ его, чтобы не конфузить ни корреспондента, ни газету) договорился до того, что австрійцы осыпаютъ Бѣлградъ какими-то „двадцати-восемью дюймовыми снарядами“.

— И чина такого нѣтъ, — какъ говоритъ Хлестаковъ.

Броненосцы вооружены 14-дюйм. пушками, а осадная артиллерія имѣетъ тахітисъ — 16-дюймовыя орудія.

Такимъ образомъ, хотя въ Россіи пьянство уничтожено, но въ Сербіи у русскаго корреспондента въ глазахъ двоится...

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Въ скоромъ времени издательство „Нов. Сатириконъ“ выпускаетъ серію отдѣльныхъ рисунковъ, относящихся къ войнѣ (въ краскахъ), и рядъ открытыхъ писемъ того же характера.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукопись не возвращается по почте, даже при условии присылки марок.)

Редакция не принимает на себя обязательства давать письменные ответы на запросы случайных сотрудников. Рукописи, не востребованные в течение 3-х мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Иль Слон—у. —

Могильный памятникъ меня
Покроетъ, точно прессъ,
И всякій спроситъ: — лежитъ
Онъ — гдѣ-съ?

Вѣроятно, у Ильи Слон—а много свѣтской развязности и блеска.
Но литературнаго таланта мало.

И еще: нельзя писать „сощуривши лицо“.

Весь присылъ уничтожень, хотя Илья Слон—ъ и сощуритъ скорбно лицо, узнавъ объ этомъ.

Садовая, 64. — Карузъ. — Каруза сообщаетъ:

— „Стихи мнѣ даются легко“...

Можетъ быть, даются. Но не берутся.

Б. Провинція.

Ростовъ н/Д. — Д. М. О. —

Цвѣтокъ не поливай,
И можетъ онъ завясть (?)
Меня не приласкай —
Могу я пасть.

Даже подъ угрозой вашего паденія редакция лишена возможности побаловать лаской такого страннаго поэта.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Состоящій подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА СКОБЕЛЕВСКІЙ Комитетъ

открывая госпитали-санаторіи для леченія воиновъ, призванныхъ подъ знамена на защиту Родины, — призываетъ отзывчивыхъ русскихъ людей внести свою посильную лепту на пользу тѣхъ, кого такъ горячо любилъ, незабвенный Михаилъ Дмитриевичъ СКОБЕЛЕВЪ и кто боготворилъ его.

Ни суммой, ни количествомъ жертвуемаго просятъ не стѣсняться, такъ какъ всякое пожертвованіе, какъ вещами, такъ и деньгами, будетъ принято съ благодарностью.

Лицъ, желающихъ помочь своимъ личнымъ трудомъ, просятъ пожаловать въ Канцелярію Комитета.

Пожертвованія принимаются въ Канцеляріи Комитета, Петроградъ, Пески, Мытнинская ул. № 27.

RESTAURANT FRANÇAIS

ALBERT

Nevsky 18, Pont de Police. Téléph. 12-35 et 185-61

Déjeuners, dîners et soupers à prix-fixe et à la carte.

Cuisine française et italienne.

Vins des premiers crus et spécialité de vins italiens.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
„БЪЛГРАДЪ“
Ивана Сергѣевича
СОКОЛОВА
ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Торг. до 3-хъ ч. ночи.

2-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

2-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія „НОВАГО САТИРИКОНА“:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

„О ХОРОШИХЪ,
ВЪ СУЩНОСТИ,
ЛЮДЯХЪ“.

Книга новыхъ юмористическихъ
разказовъ.

Цѣна въ обложкѣ работы худ.
РЕ-МИ 1 р. 25 к.

ТЭФФИ.

Книга новыхъ разказовъ.

„ДЫМЪ БЕЗЪ
ОГНЯ“.

Обложка работы художника РЕ-МИ.

Цѣна книги 1 р. 25 к.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

ЛИРИКА. Изданіе Аркадія Аверченко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I. О любви и печали. Часть II. Легенда Будней. Часть III. Раздумье.
Обложка художника Чехонина. Цѣна 1 р. 25 к.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу Дешевая библиотека
„НОВАГО САТИРИКОНА“.

№ 13. ТЕФФИ. № 14. Г. ЛАНДАУ. № 15. А. АВЕРЧЕНКО.

Цѣна каждой книжки 10 коп.

ВЛАДИМИРЪ ВОИНОВЪ.

„СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“.

Обложка художника Ре-ми. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ӨОМА ОПИСКИНЪ.

СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Большой томъ въ трехъ частяхъ, съ портретомъ автора и предисловіемъ, любезно написаннымъ Аркадіемъ Аверченко.

Цѣна книги въ обложкѣ работы Ре-ми — 1 руб. 25 коп.

Нужно подвергнуть жителей взятых странъ возможно большимъ страданіямъ и оставить имъ только глаза, чтобы они могли плакать.

(Слова Бисмарка, сказанныя при взятіи Парижа.)

КТО ЛУЧШЕ?

Нѣмецъ: — О, мы милосерднѣе Бисмарка! Мы стараемся, чтобы жители взятыхъ странъ даже не плакали, и поэтому, облегчая имъ страданія, выкалываемъ глаза!!